

АДАМЕНЬ
Алена Федоровна,
аспирантка ГНСХБ НААН Украины
(г. Киев)

КАРЛ КЕБАХ И ЕГО ПАРКИ

Розкрито історичне значення творчої діяльності німецького садівника Карла Кебаха в Криму в першій половині XIX ст. та його співробітництво з Нікітським Ботанічним садом, міжнародні зв'язки у галузі паркового садівництва.

Раскрыто историческое значение творческой деятельности немецкого садовника карла Кебаха в Крыму в первой половине XIX в. и его сотрудничество с Никитским ботаническим садом, международные связи в области паркового садоводства..

Uncovered historical importance of creative activity of German gardener Karl Kebaha in the Crimea in the first half of the XIX century. and its cooperation with the Nikita Botanical Gardens, the international communication in Horticulture Park.

Южный берег Крыма отделён от остальной части Крымского полуострова Главной грядой Крымских гор и расположен на 45-й параллели северного полушария ($44^{\circ}23'$ – $45^{\circ}00'$ Гс. ш.) и находится на равном расстоянии от экватора и северного полюса. Отсюда до экватора и полюса – по 5000 км. Южный склон Главной гряды Крымских гор наклонен к морю под углом 15 – 70° . При таком сочетании географической широты, ориентации и крутизны по горному склону прослеживается заметное изменение и расстояния от горной гряды до моря.

Н. Н. Клепинин в книге «Земля Крыма» [1] в 1914 году писал: «До Байдарских ворот горы (вначале ещё невысокие) подходят к самому морю и обрываются почти отвесно (не считая двух-трех небольших полосок пляжа). Начиная от Байдарских ворот горы отступают постепенно от моря; близ Алупки расстояние до гор – около 4-х вёрст, около Ялты – до 6-ти вёрст, за Алуштой доходит до 8 вёрст». Расстояние между морем и горной грядой оказывает

существенное влияние на растительность. Эта контрастность имеет не только видовой, но и временной оттенок. Чем дальше от гор и ближе к морю тем раньше начинается и позже заканчивается период вегетации растений.

Естественно, что такие условия определили возникновение Крымского декоративного садоводства ещё в глубокой древности. В дальнейшем с каждой колонизацией и проникновением новых народов процесс распространения хозяйственно ценных и декоративных растений в Южный Крым был более интенсивным. Достоверно известно, что древними поселенцами – греческими колонистами, проникшими в Крым в VII–VI веках до нашей эры были завезены благородный лавр, греческий орех, фиговое дерево, гранат и многие другие. Наверное и древнее оливковое дерево, растущее в Никитском ботаническом саду и возраст которого определяется около двух тысячелетий, было завезено в Крым ими.

Как и везде, декоративное садоводство возникло в Крыму из утилитарного садоводства – плодовых садов и огородов, в которых декоративные деревья, кустарники и цветы высаживались без всякого архитектурного плана. Да и сами плодовые сады в Крыму долгое время представляли собой смесь плодовых и дикорастущих деревьев. Так, Габлицль, описывая состояние пловодства в Крыму к концу XVIII века, отмечает, что плодовые деревья растут в беспорядке, вперемешку с лесными, составляя «приятную смесь» [2].

В средневековье на Южном берегу Крыма было построено множество христианских храмов, монастырей, церквей, часовен усадеб знати. Места для размещения этих зданий выбирались в лесистой местности в окружении старых деревьев. Деревья эти были неприкосновенными, их не рубили. Благодаря этому многие старые деревья сохранялись и некоторые из них дожили до настоящего времени.

Большой известностью пользовалась роща вековых дубовых и ореховых деревьев вокруг церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Верхней Массандре [3].

По словам П. Сумарокова «высокие вокруг деревья означают следы ограды» Все деревья были окружены деревянными скамейками. Около самой церкви рос величественный «тысячелетний» экземпляр дуба пушистого, на громадных ветвях которого были укреплены колокола [4].

Известный французский путешественник начала XIX века Дюбуа де Монпере считал, что этот дуб – самое старое и большое дерево на всем Южном берегу. Вообще, развалины старой греческой церкви и растущие вокруг вековые деревья в те времена считались главной достопримечательностью Массандры.

Небольшие дворцовые сады крымских ханов в Старом Крыму и Бахчисарае также представляли смесь плодовых лесных и декоративных растений.

Архитектурные сады и парки в Крыму возникают в начале XIX столетия, когда, Вскоре после присоединения Крыма к России (1783 г.), на Южный берег из центра России поселялись крупные чиновники вельможи и помещики, создававшие здесь свои дачные резиденции. Так возникли крупные поместья с дворцами и парками графа Воронцова в Алушке, графа Потоцкого в Ливадии (позднее перешедшее к Романовым), генерала Раевского в Гурзуфе и Партените. генерала Бороздина в Кучук-Ламбате, генерала Мальцева в Симеизе и многие другие.

Архитектурные сады и парки Крыма возникали в тот период, когда в русском паркостроении прочно утвердилось господство ландшафтного стиля. В приемах этого стиля, от сложных до более примитивных, в основном и была организована большая часть Крымских парков. Вместе с тем природные условия Крыма, особенно Южного берега с его резко выраженным рельефом, оказали неповторимость стиля в развитии паркового строительства в Крыму.

В лучших садах и парках Южного Крыма, если и не в целом, то в части, прилегающей к архитектурному центру – дворцу, вилле, мы встречаем террасный принцип устройства, характерный для итальянских регулярных садов.

Большой интерес представляют многие архитектурные сады и парки Южного Крыма в отношении использования естественных декоративных элементов.

Характерным является и тот факт, что к созданию парков в Крыму привлекаются видные специалисты из среды архитекторов и садоводов, а в паркостроении появляется научная основа, когда не только переносится полученный ранее опыт других государств с развитым паркостроением и ранее созданных парков других регионов России но и закладываются основы научных исследований непосредственно в Крымских условиях.

10 июня 1811 г., при активном участии известного ученого-ботаника, инспектора по шелководству юга России М. Биберштейна, в Петербурге был подписан «Указ об учреждении в Крыму Императорского казенного ботанического сада». И созданный в 1812 году Казенный Императорский Таврический ботанический сад становится первым научным учреждением Крыма. В том же году у деревни Никита (ныне поселок Ботаническое) у местного помещика Смирнова куплено 375 десятин земли. Пост директора сада М. Биберштейн предложил своему помощнику, 30-летнему ученому Х. Х. Стевену. Уже в сентябре 1812 г. сделали первые посадки. Так было положено начало современному Государственному Никитскому ботаническому саду. За 14 лет неутомимой деятельности Х. Х. Стевен, прозванный впоследствии «Нестором русских ботаников», собрал более 450 видов экзотических растений. Сад был призван способствовать ускоренному развитию сельскохозяйственного производства юга страны на основе интродукции, акклиматизации, селекции и широкого распространения южных плодовых, цветочных, декоративных, новых технических, лекарственных и других полезных растений, изучения и активного использования местных растительных ресурсов.

Трудно сказать, как бы сложилась судьба ботанического сада, если бы не граф М. С. Воронцов, по натуре человек увлекающийся, равнодушный к прекрасному, остро ощущающий великолепие природы, с детства воспитанный

к бережному отношению к ней и долгие годы принимавший активное участие в становлении сада.

Нам представилась возможность ознакомиться с хорошо сохранившимся архивом документов Никитского ботанического сада, которые открывают большую и многогранную работу М. С. Воронцова, назначенного в 1823 году Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области, с директорами сада. Ему обязан Крым – развитием и усовершенствованием виноделия, устройством превосходного шоссе, окаймляющего южный берег полуострова, разведением и умножением разных видов хлебных и других полезных растений, равно как и первыми опытами лесоразведения и паркостроения.

Он лично давал распоряжения о закупках и распространению посадочного материала, следил за работой ботанического сада и давал указания о направлении солдат расквартированных в Крыму на проведение работ по подготовке почвы и посадке деревьев, а также обеспечивал необходимое финансирование работ по уходу за садом и содержанием персонала через казначейство. (*Документы из архива ботанического сада*). Архив содержит много интереснейших фактов, показывающих неподдельный интерес генерал-губернатора к развитию Крымской науки.

М. С. Воронцов впитавший с детства великолепие парков в Петергофе, в имениях Кунцево и Архангельское под Москвой, а так же парка Александрия вблизи Белой церкви (имение Браницких, родителей Воронцовой Е. К.), граф уже в самом начале представлял будущее парка в конкретных деталях. Его очаровали благодатный климат южного берега, обилие водных источников, сложность рельефа и необычайная ласковость пляжа. Его стремлением было создать парк ни чем не уступающим лучшим образцам садово-паркового искусства Европы.

Для исполнения своей идеи граф М.С. Воронцов начинает скупать лучшие участки земельна ЮБК. К 1823 году ему принадлежали поместья в Мартьяне, Ай-Даниле, Гурзуфе, а в 1824 году обсуждается вопрос о приобретении земель в

Алупке при посредничестве командира сторожевого батальона Феодосия Ревелиоти хорошо ладившего с местным населением. М. С. Воронцов в качестве компромисса пообещал местным жителям исповедующим ислам построить мечеть, которая по истечению двух лет была построена.

Пользуясь огромными полномочиями Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области М. С. Воронцов не изымает южнобережные земли для личного владения а покупает их.

29 ноября 1824 года Феодосий Ревелиоти в письме М. С. Воронцову из Балаклавы о покупке земли в районе Алупки пишет: «4 ноября куплено у трех татар сей деревни три куска земли заплачено за оные 600 рублей. 22 ноября куплено у шести татар сей же деревни шесть кусков земли заплачено за оные 1780 рублей.

Воронцов уговорил и самого Ревелиоти продать ему земли у Алупки, которые были необходимы генерал-губернатору для исполнения желания сделать Алупку летней резиденцией. Чуть позднее началось строительство на западном склоне православной церкви, похожей на храм Тезея в Афинах, и «итальянской» гостиницы.

Понимая, что без надлежащего парка впечатляющего вида даже самые изысканные строения иметь не будут, было выделено место для дома садовника со всеми необходимыми службами: питомником, оранжереей и рассадником. И, безусловно, нужен был для такого проекта опытный садовник. Выбор упал на немецкого садовника Карла Кебаха.

По этому поводу Ревелиоти 29 ноября 1824 года писал графу: *«Под сей случай как отвечал Вашему сиятельству навевыще изъясненное подоспели отец с сыном немцы садовники: и как из них старик не мог отправиться верхом, отправил я их морем на лодке до Алупки»*. Так в Алупку прибыл Карл Антонович Кебах и его сын Антон, который в дальнейшем после окончания обучения в Умани продолжил дело его отца.

Карл Кебах за короткий промежуток времени изучил рельеф, почвы Южного берега Крыма и их водный режим, растительность и сразу же занялся

посадками. Безусловно важнейшую роль в результативности созидательной работе Карла Кебаха сыграл Никитский сад и его первые директора Стивен и Гартвис.

Отмечая выдающиеся заслуги первых директоров Сада, академик Н. И. Вавилов писал в 1940 г.: «С именами Стевена и Гартвиса связан замечательный период продуманной интродукции ценных сортов плодовых культур, винограда, декоративных растений, оказавший большое влияние не только на южное побережье Крыма, но и на другие районы европейской части страны».

Никитский сад явился и основным источником саженцев для парков Кебаха следует считать Никитский ботанический сад. Только за 1824 год в ведомости отпущенных оттуда деревьев под № 19 фигурирует 204 дерева на сумму 129 рублей 50 копеек для графа Воронцова. В январе 1825 года - еще 328, а через год - 2000, в основном это были маслины и кипарисы. В конце 20-х годов в Алушке уже «росло и украшало различные части сада и окрестности значительное число кипарисов», а к середине XIX века флора парка имела, не считая цветов, более 270 видов деревьев и кустарников. Со всех концов света через директора Никитского ботанического сада Николая Андреевича Гартвиса и по личной просьбе владельцев шли посылки с растениями. Получали их из Америки и Испании, Кавказа и Карелии, Китая и Японии, но больше всего, при посредничестве рижского купца Вагнера, от француза Оддибера и англичанина Лодджиса.

Н. А. Гартвис 20 мая 1829г писал графу М. С. Воронцову из Никитского сада: «Я только что получил от садовника Вагнера из Риги извещение о том, что в конце мая прибыли новые сорта камелий из заведения Лодджиса из Хакней возле Лондона, очень хорошей сохранности, его цена за растение от 20 до 30 рублей (цена Лодджиса на месте 15 шиллингов). Я тотчас написал Вагнеру, чтобы он проставил сумму для Вашего сиятельства за шесть камелий и две магнолии и несколько других вечнозеленых кустарников, которых у нас еще

нет. Все это прибудет в августе или в сентябре. Я позабочусь о их перезимовке в Никите, в оранжерее, для того, чтобы в апреле или мае высадить в Алушке.

Между директором Никитского сада и садовником Карлом Кебахом установились хорошие отношения, способствующие плодотворному сотрудничеству, при котором парк получал интродуцированные растения из сада, а сад посредством работы садовника имел возможность испытывать и адаптировать новые растения в условиях Алушки.

Не всегда получался положительный результат, так Гартвис предложил идею "Зимнего сада под открытым небом", и Кебах начал сажать апельсиновые деревья под прикрытием скал. Однако к большому сожалению, они потом вымерзли, сохранились лишь те, что на зиму получали стеклянное покрытие. Напротив, опыты по приживлению магнолий в открытом грунте дали неожиданный результат. Привыкнув считать магнолию неотъемлемым атрибутом крымских садов, нам сейчас трудно понять, почему о ней так много говорилось в переписке ботаников и владельцев и почему Воронцовы их самолично сажали на самых заметных местах, например на "холме Монмартра"

Не случайно первые розы отечественной селекции, выведенные Гартвисом в 1929 году и названные «Алушка» и «Графиня Элизабет Воронцова» были подарены Алушкинскому парку. В дальнейшем эти сорта вошли в мировую коллекцию роз.

Н. А. Гартвис писал М. С. Воронцову 17 июня 1833г.: «Я предполагаю, что одни лишь наши цветущие кусты роз заслуживают того, чтобы из-за них проделать путешествие на наш берег. Поэтому я так сильно сожалел, что господин граф и госпожа графиня не смогли увидеть в этом году, как цветут их розы в Алушке. Глаза не могли насытиться, созерцая эти массы розовых кустов, покрытых цветами; еще больше я порадовался, увидев камелии и магнолии, прекрасно прижившиеся и процветающие в открытом грунте, как и большая часть вечнозеленых растений, доверенных открытому грунту. Но что превосходило все, это было цветение массы роз насколько хватало глаз, это

изобилие прекраснейших роз, которые насыщали ароматом атмосферу дальних окрестностей».

Сорта роз культивируемые ранее в Крыму имели относительно короткий период цветения – новые сорта цвели более продолжительный период.

Карл Кебах большую часть 40-гектарной территории отвел под пейзажный сад, чрезвычайно искусно разбитый в живописной и дикой по природе местности Это была сложная и напряжённая работа.

Е.Л.Марков писал в «Очерках Крыма: «Нигде, кроме Алупки, я не видел такого сочетания архитектурного гения с гением пейзажиста, моря с горами, камня с лесом, дикости природы с изяществом цивилизации». Так он оценивал творческую работу Карла Кебаха по планировке парка в романтическом ключе. При внимательном изучении планировочной системы парка неожиданно обнаруживается ее уникальность. Разбитая по принципу амфитеатра, вся композиция содержит пространственные связи, сориентированные по странам света и тянущиеся от основания амфитеатра – «Чайного домика», на берегу моря - ко всем архитектурным объектам парка, дворца, ко всем видимым и невидимым центрам ландшафта. Все продумано и закреплено строгой логикой классического плана, скрывающегося под свободными живописными линиями пейзажного сада. По характеру планировки, рельефу местности и особенностям композиции пейзажей парк в целом можно разделить на несколько пейзажных районов: Большой хаос, Малый хаос и пейзажная часть в Верхнем парке, и центральный, восточно-приморский и западно-приморский — в Нижнем парке. Продуманный во всех тонкостях дренаж почвы, индивидуальный уход и особый режим в момент приживления экзотических растений сделали свое дело. Многие экзоты выглядят и чувствуют себя сейчас так же прекрасно, как и у себя на родине, хотя прошло уже около двух веков.

Растения, многие из которых поставляются из Императорского Никитского сада, посаженные Кебахом демонстрировали не только свою красоту, но и важность с точки зрения декоративности, медицины и повседневного

использования. Они, бесспорно, играют и в настоящее время заметную роль в нашей жизни. Здесь представлены основные способы высадки экзотических растений, а также более привычных многолетников для создания сада, не требующего дорогого обслуживания.

Карл Кебах натура поэтическая высокообразованная, человек владевший несколькими иностранными языками, безусловно, был хорошо ознакомлен с особенностями паркового строительства Западной Европы и в первую очередь с парками Италии, Франции, Германии и классикой паркового строительства Англии.

Это позволило ему сделать так, что простые линии и щедрые пропорции сада вызвали чувство восхищения и безмятежного спокойствия. Любая скульптура, находящаяся в саду, с одной стороны сама по себе потрясающая и одновременно спокойная, но неотрывно связана с окружающими её растениями; она как бы направляет взгляд вдоль дорожки, через травы, к тенистому уголку сада, где величественно расположились деревья, стройные и раскидистые, на первый взгляд высаженные хаотически, но при детальном рассмотрении по другому и быть не могло. Разнообразные растения и другие многочисленные детали ландшафтного дизайна прекрасно гармонируют друг с другом. Их художественные сочетания создают образ спокойствия и красоты.

А. С. Голицына В письме М. С. Воронцову из Кореиза, в 1829 году пишет: «... Сейчас я должна Вам сообщить, месье граф, что мы были в Алушке. Я, мадам Бергхейм и мадемуазель Маурер.... Славный Герасим нас встретил с радостью и тут же приготовил завтрак. Затем мы присоединились к Кебаху..., обошли верхний сад, все осмотрев и все проверив, уставая восхищаться.... Мой дорогой граф, я не нашла ничего похожего, что было при Ревильоти.... Кебах английский сад перекрыл дорогами.... Он посадил 6000 декоративных деревьев на побережье, питомник и 5000 гранатовых деревьев, и все обрисовано как нельзя более совершенно, со вкусом и простотой. Алушка уникальна. Ни один государь не обладает ничем приблизительно подобным..., и Кебах рожден, чтобы быть садовником. Если бы император увидел Алушку, какой она стала, он

дал бы Кебаху 10000 дублонов, чтобы тот ему сделал Царское Село.... Месье граф, этот славный человек имеет всего только 12 работников для двух садов и маслиничной плантации».

Несмотря на постоянную нехватку рабочих рук и значительные трудности прокладывались дороги и тропинки в парке, а 6 сентября 1830 года в честь дня рождения Е. К. Воронцовой, уже тогда существовали «каскады, скатывающиеся с высоты скал», и озеро «с его обитателем лебедем, удивленным при виде столь необычного феномена в природе». Вокруг озера Кебах в лесную растительность высаживал декоративные деревья и кустарники. Кебах воду считал важным элементом дизайна. В парке вода спускается каскадами и питает окружающую растительность, которая в свою очередь создаёт ощущение таинственности.

Шедевром ландшафтного искусства Кебаха можно считать Солнечную поляну и хотя полное завершение её создания осуществилось после смерти Кебаха (он умер в 1851 году) его учениками и последователями, основные принципы планировки были намеченные и начатые Карлом Кебахом. Всего парк находился под его присмотром в течение 25 лет. По архивным источникам выяснилось, что Кебах самостоятельно вел научные наблюдения за погодой, занимался интродукцией, ведал и организацией праздничных иллюминаций. После смерти Кебаха с 1851 по 1861 г. должность садовника занимал Иван Бешкович. Потом дело взял в свои руки сын Кебаха Антон, успевший к этому времени закончить школу садоводства в Умани.

Вместе с тем ошибочно было бы Кебаха считать единственным проектировщиком парков. Несомненно, какие-то основные принципы планировки были подсказаны и другими садоводами. В архивных документах упоминаются фамилии садовников Бишковича и Ивана Галущенко, работавших в Алушке в 50-х и 60-х годах. Были ли они простыми исполнителями замыслов Кебаха или являлись авторами этих полян – трудно сказать, но несомненно, что в оформлении и этой части парка видна рука талантливого мастера, обладающего хорошим вкусом и тонко чувствующего красоту природы.

Территория под парк представляла собой нагромождение камней, которые обезобразивали верхнюю часть Алупки, и явились следами тех переворотов на Южном берегу, которые произошли в следствие страшного и долговременного в 1341 году землетрясения в Византии, не только «достигавшего Крыма, но и выдвинувшего из берегов свирепствующее море, которое нанесло ужаснейший вред».

Это и привело к разрушению части горы Ай-Петри. Создателям парка приходилось расчищать от камней, погибших деревьев и кустарников без малого не всю территорию до самого берега моря.

По поручению графа баржами завозили землю с низовьев Днепра. Много труда потребовалось для прокладывания тропинок среди каменных россыпей, устройства водопадов и каскадов, видовых площадок и гротов. В указаниях М. С. Воронцова садовнику выражение «поднять плантаж» неизменно сопровождалось ремарками такого рода: «убрать камни с площадки под гранаты» или «очистить район возле озер». Убирались тысячи тонн камней и взамен на поляны и куртины привозился чернозем с Украины, приносилась в мешках и корзинах плодородная почва с Ай-Петринской яйлы. Продуманный во всех тонкостях дренаж почвы, индивидуальный уход и особый режим в момент приживания экзотических растений сделали свое дело. Многие экзоты выглядят и чувствуют себя сейчас так же прекрасно, как и у себя на родине, хотя прошло уже около двух веков.

Семен Ягницкий писал из Массандры в Лондон 8 февраля 1833 года графу Воронцову: *...Из числа земляных работ, назначенных Вашим сиятельством и ея сиятельством в Алупке, плантаж на горе возле церкви совершенно уже вскопан, и теперь началась планировка его, гора против большого дому вполнину уже снесена, и работа ее продолжается далее, все это делается по подряду; в других же местах много работ, назначенных Вашим сиятельством, тоже сделано своими людьми. Соображаясь с назначенным Вашим сиятельством числа людей для большого строения в Алупке, я заметил, что работы идут довольно успешно: каменная против*

дому терраса, две лестницы в верхний сад и фонтан вскорости будут окончены; оранжерея уже окончена, но только не покрыта цинком, который, однако же, так приготовлен и спаян, что при первой хорошей погоде можно будет покрыть очень скоро. От оранжереи галерея кругом дому уже окончена, но тоже еще не покрыта цинком и не сделана подшивка внутри ея».

И несколько позже в очередном письме:

«...Проделанная здесь работа в самом деле достойна восхищения! Каждый клочок земли, который удавалось отвоевать у скал, заставили приютить представителя какой-нибудь пышной растительной формы из отдаленных зон, так что многие чужеземцы здесь вынуждены были приспособиться к особенностям климата и пышно разрослись, о многих можно сказать: какой же долгий ряд дорогостоящих экспериментов пришлось проделать, чтобы они акклиматизировались! Все же туземная флора этих берегов не особенно богата видами и родами; и до сих пор, после многолетних усилий, отдельные редкие виды сопротивляются развитию в чужеземных условиях и вегетируют лишь с большим трудом под бандажами с подпорками и под укрытием... Ягницкий, Семён Тимофеевич 1833 г; капитан; № 5499; Кавалер ордена Святого Георгия IV класса».

Кроме парка Алупка хранят на себе печать забот этого одаренного, трудолюбивого мастера также сады и парки Массандры, Гурзуфа, Ореанды, Гаспры, Мисхора, Фороса и Тессели.

Для закладки Массандровского парка кроме Кебаха были привлечены также лучшие иностранные и русские садоводы, сам парк, по мнению М. Волошина [5]. создавался каторжным трудом тысяч крепостных, привезенных сюда графом Воронцовым из многих губерний России. Парк заложен в сороковых годах девятнадцатого века с целью создания в нём питомника южных культур. Место было выбрано достаточно удачное: в достатке подпочвенной влаги, не слишком крут рельеф, и холодные северные ветры сюда почти не проникают. Не потребовалось завозить издалека и

чернозем, как при создании Алушкинского парка и Никитского ботанического сада: почвы здесь благоприятны для произрастания древесных пород. На площади 80 га планировалось создать парк в ландшафтном (английском) стиле, в основе которого лежало подражание естественной природе.

Первый русский исследователь Крыма, академик П.С. Паллас писал «здесь зима едва дает себя чувствовать... примулы и крокусы расцветают в феврале, а иногда и в январе.... дуб часто сохраняет свои листья зелеными в течение всей зимы»¹). Поэтому Паллас утверждал, что „культура самых полезных растений Южной Европы и Малой Азии здесь может быть восстановлена с успехом ... Здесь можно культивировать оливы и фиги самых лучших сортов, сезам никогда не будет расти безуспешно. Апельсины, лимоны и в особенности более смелое из них – цедровое дерево всегда перенесут здесь зиму под небольшим только покровом и при небольшой заботе о них [6, 7, 8].

Разнообразный рельеф местности позволил садоводами создать чрезвычайно интересные ландшафтные картины. Они ежеминутно меняются по пути следования и не дают глазу утомиться однообразием.

Графом Воронцовым в сентябре 1830 года садовнику Карлу Кебаху составлена специальная инструкция по озеленению Массандры. В ней предписывалось очистить парк от всех негодных деревьев и высадить новые разные растения, посадить рощу фиговых и гранатовых деревьев, в назначенных местах посадить каштан сладкий, маслины, лимоны, апельсины. Вокруг деревьев предлагалось посадить виноград разных сортов. Во всем парке посеять «разные искусственные травы» и «сколь можно развести плющ». Обращает на себя внимание один из пунктов инструкции: «сделать лес из белой акации и лавров», для чего предписывалось в Гурзуфе «все семена белой акации собрать и посеять в Массандре». В этом, бесспорно, проявились вкусы Воронцовых, у которых и около Одесского дворца, и вокруг загородного Симферопольского дома было много акации. И сейчас еще на территории верхнего Массандровского лесопарка можно встретить и сладкий каштан, и белую

акацию, выросшие здесь, очевидно, уже «самосадом» от семян кебаховских посадок.

Один из авторов очерков о Крыме, С. Филиппов, писал: «Князь Воронцов был художник безусловный! И южный берег (да и один ли он?) ему обязан за «отделку природы». Его «коррижирующий гений» способствовал тому, что все нововведения не только не нарушали гармонию природы, а, напротив, очень органично вносили в нее дополнения, все делалось безукоризненно, с высоким художественным вкусом. Даже в самом «сумрачном, диком, угрюмом и величавом» месте – как называл горную Массандру С. Филиппов в своем очерке «По Крыму» – сказался, по его выражению, «коррижирующий гений» Воронцова: «дикий хаос камней он облицовал «поправками», которые усилили впечатление природы!» [9]. В Массандре никогда не использовали лес в хозяйственных целях. Бережно сохраняли дубы и ореховые деревья, из которых многим насчитывалось по несколько сот и даже до тысячи лет. В одном из отчетов управляющего Воронцовскими имениями на Южном берегу говорилось: «Имение пользуется из леса только дровами из бурелома и то в незначительном количестве». Лесовозобновление производилось в виде «незначительных посадок на месте бывших каменоломень».

В инструкции для Кебаха предусматривалось и создание в имении фруктовых садов, рекомендовалось выбрать удобные места для разведения фруктовых деревьев, а также крыжовника и смородины. Сады насаждались как в Верхней, так и в Нижней Массандре. Вскоре нижний сад был признан лучшим на южном берегу по богатству фруктовых деревьев и тропических растений. В нем уже к середине 30-х годов был создан «значительный питомник экзотических растений, насаженных так, что гуляя в нем вы считаете себя как бы под тропиками» – такое необычное впечатление он оказывал на путников.

Особенно славились в нижней Массандре обширные с цветочным покровом поляны, огражденные насаженными рощами магнолий, съедобных каштанов, кедров, каменных дубов, лавров, мирт. Были спланированы длинные аллеи и групповые посадки темных и тенистых кипарисов всех сортов. Все это

дополнялось обширными цветниками и журчащими фонтанами. Но самой примечательной в Нижнем парке стала аллея, состоящая из 900 кустов роз самых различных сортов, заложенная еще Карлом Кебахом. Особенно красива она была в мае, когда розы были в полном цвету.

Особые впечатления формировала кипарисовая роща. Стройные, с компактной веретенообразной кроной (кипарисы пирамидальные) или с «растрепанной» кроной (кипарисы горизонтальные), они окружают нас со всех сторон. Эти декоративные деревья завезены сюда из Восточного Средиземноморья. Всего в парке насчитывалось до 14 видов кипарисов.

Большие посадки в 30-е годы проводились не только на территории формирующихся парков, преобразовывались и отдельные участки леса. В нижней его части, у подножья гор, прокладывались пешеходные дорожки, ведущие к гротам и живописным скалам, устраивались площадки обозрения и скамьи для отдыха, делались многочисленные насаждения самых разнообразных растений, и лес превращался в лесопарк, с хорошо распланированными аллеями, дорожками, с пробитыми в скалах тропинками. Все это делалось для того, чтобы показать наиболее выгодные места горного ландшафта [10].

Парки Ореанды были заложены при непосредственном участии Кебаха в середине XIX столетия в ландшафтном стиле. Окружающая парк местность была чрезвычайно эффектна. Особую выразительность парку придавало сочетание богатства зелени со сказочным нагромождением величественного вида скал и близость моря.

Замечательная деталь парка – район «Лебединого озера». Озеро уютно разместилось у подножия высокой скалы. По берегам его пышные вавилонские ивы, купая свои изящно свисающие тонкие ветви в серебристой воде. Рядом с ними растут разбросанными группами или одиночно лавровишня, лавр, фотиния, калина, лапина кавказская, платан и другие. Оригинальность и экзотичность вносят в пейзаж плавающие в озере белые лебеди.

Интересны по замыслу и исполнению миниатюрные водоемы, имитирующие моря: Черное, Азовское, Каспийское и Аральское. Примыкающая

к ним аккуратно и регулярно подстригаемая зелень (лавр, калина и другие) создавала очертания Крымских гор и Кавказского хребта.

В парке было высажено свыше 100 видов, разновидностей и форм деревьев и кустарников. Из них на долю иноземных пород приходится свыше 85 названий. Местные породы находились главным образом на окраине парка. Растения распределялись рощами, массивами, группами, в линейных посадках или одиночно. Из них кипарис пирамидальный, кедр атласский голубой, лавр благородный, магнолии крупноцветные и фотинии, роща маслины европейской, платаны.

Гурзуфский парк спроектирован Карлом Кебахом и основан в начале XIX века. В нём высажено 140 видов и форм редкой дендрофлоры и сохранены местные лесных видов растений: земляничник мелкоплодный, сосна крымская, можжевельник высокий, фисташка туполистная, иглица понтийская, ладанник крымский. Иноземные виды представлены многими субтропическими вечнозелеными хвойными и лиственные породы. Здесь и сейчас растёт кипарис пирамидальный, который так полюбился А.С. Пушкину во время его пребывания в этих местах в 1820 г. Поэт об этих местах позднее писал, что увидел картину пленительную: «разноцветные горы сияли, тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдаг.., и кругом это синее чистое небо, и светлое море, и блеск и воздух полуденный»), секвойя-дендрона гигантского, кедров ливанского, гималайского и атласского, маслины европейской, кипарисовика Лавсона.

Мисхорский парк был заложен в XVIII веке. Здесь на площади в 23 га было сосредоточено около 100 видов и садовых форм экзотических деревьев и кустарников. Кебах продолжил контрастное сочетание для сильно пересечённой местности в ландшафтном стиле чередуя группы деревьев (кипарисы аризонский и гвадалупский, сосны алеппская и Культера, пальмы, бамбук, олеандра) с полянами, а так же с местными лесными породами (дубом пушистым, сосной крымской, фисташкой туполистной) [11].

К сожалению в первой половине XX столетия его юго-восточная прибрежная часть была переделана в регулярном стиле. Это несколько нарушило общий характер и художественную систему парка. Появилось много излишне прямых линий, измельченных куртин, скульптурных украшений, жилых построек и неоправданных, часто ненужных посадок. При этом площадь самого парка сократилась до 10 гектаров.

В первоначально задуманном Кебахом плане к настоящему времени сохранилась только центральная часть парка с его полянами и массивами деревьями и кустарниками. Хорошо включены в ландшафт породы бывшего здесь когда-то леса, преимущественно дуба пушистого. Кое-где к местным породам в разное время были примешаны некоторые экзоты.

Из садово-парковых элементов, по описанию М.П. Волошина, [11] особенно хороша роща сосны алеппской с нежно-зеленой хвоей. Эта роща защищает парк от ветра и морских брызг, которые вредны для некоторых растений, однако они не нарушают сложившегося естественного ландшафта.

Этот чудесный уголок парка служит ярким примером умелого использования местных лесов в устройстве парков в ландшафтном стиле с одной стороны и издержки урбанизации территории с другой, приводящей к нарушению целостного садово-паркового комплекса.

Форосский парк, Одной из главных достопримечательностей Фороса является вековой старинный парк, который пленить всех неповторимой красотой здешних диковинных растений, посаженных ещё при светлейшем князе Г. Потёмкине и как отмечают исследователи не без активного участия Карла Кебаха и работников Императорского ботанического сада. Большой вклад в развитие парка внёс Н.Н. Раевский – младший – большой любитель дендрологии (в 1820 его отцу принадлежало имение Тессели, прилегавшее к Форосу).

В последствии парк был перепланирован известным купцом А.Г. Кузнецовым, который приобрёл имение Форос в конце 19-го столетия. Профессор академии художеств Клевер и садовод Энко помогли ему создать

новый облик Форосского парка – трехъярусную структуру, сохранившуюся до сегодняшнего времени. Он был перепрофилирован в течении 5-6 лет. Все, что только имелось в садах Южного берега, все бесчисленные виды природной и культурной растительности имеют здесь представителей, но и все, что можно акклиматизировать из чужеземных растений, мы здесь встречаем. (Отрывок из доклада члена Ялтинского горного клуба на одном из его заседаний в 1892 году).

Всё наследие паркового строительства накопленное в Крыму, в том числе и огромный опыт замечательного художника паркового искусства Карла Кебаха, его видение красоты парков во времени и вкусом, который присущ лишь художнику высшего класса. Создатель целого ряда величественных парков Южного берега Крыма был не просто ботаник-садовод, но художник и философ.

Парк Тессели

Центральная аллея форосского парка выходит на дорогу, которая через полтора километра приводит в дачное место Тессели – весьма уютный уголок Южного берега. Имение Тессели (греч. – «тишина») находится у мыса Николая, названного в честь героя Отечественной войны 1812 г. Н. Раевского. Внук Раевского-старшего одно время был президентом Российского общества садоводства и немало сделал для создания редкостных по красоте и разнообразию растительности парков в Тессели, Партените и других местах Крыма. Здесь, среди небольшого, но богатого редкими растениями парка. Горное полукружие этой местности представляет собой уникальное природное убежище, в котором встречается немало реликтовых видов растений: земляничное дерево, сосна пицундская, можжевельник высокий, фисташка туполистная, пираканта, иглица, ладанник. Здесь произрастают около 20 видов орхидей, в том числе особенно редкая Комперия Компера [12].

Изложенное ранее свидетельствует, что Садово-парковое искусство представляет собой одно из важнейших и специфических проявлений ландшафтной архитектуры – архитектуры постоянно меняющейся в пространстве и во времени.

История и особенности садов отражают в себе истории цивилизации, поэтому наследие садово-паркового строительства – бесценно, многогранно и неисчерпаемо. Каждый период развития паркостроения отражает культуру, науку, историю народа, особенности национального характера и религиозных представлений – жизнь этноса.

Список использованной литературы

1. *Клепинин Н. Н.* Земля Крыма / Н. Н. Клепинин. – Б.м., 1914.
2. *Габлицль.* Физическое описание Таврической области по её местоположению и по всем царствам природы / Габлицль. – Б. м., 1785.
3. *Коваленко И. М.* Священная природа Крыма. Очерки культово-природоохранных традиций народов Крыма / *И. М. Коваленко.* – К. : КЭЖЦ, 2001. – 96 с.
4. *Сумароков П.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. Сумароков. – СПб., 1803–1805. – Ч. 1. – 1803. – 226 с.; Ч. 2. – 1805. – 244 с.
5. *Марков Е. Л.* Очерки Крыма : картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 3-е изд. – СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1903. – 520 с.; ил.
6. *Pallas P. S.* Voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'empire de Rtssie dans ies ans 1793–94 / P. S. Pallas. – Leipzig, 1803.
7. *Паллас П.-С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврического полуострова / П.-С. Паллас. – СПб., 1795. – 72 с.
8. *Паллас П.-С.* Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 годах / П.-С. Паллас // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 12. – Одесса, 1881. – С. 62–208; Т. 13. – 1883. – С. 35–107.
9. *Филиппов С. Н.* По Крыму: Отражения / С. Н. Филиппов. – М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. – 469 с.
10. *Галиченко А. А.* Алупка. Дворец и парк / А. А. Галиченко. – К. : Мистецтво, 1992. – С. 23–47.
11. *Волошин М. П.* Парки Крыма / М. П. Волошин. – Симферополь : Крым, 1964.
12. *Ена В. Г.* Южный берег Крыма / В. Г. Ена, С. П. Шантырь, И. Т. Твердохлебов. – Симферополь, 1968.